

Линь Хань был ошеломлен в течение долгого времени.

Казалось, он был очень скован даже в позе приглашения, с протянутой рукой, а затем остановился в воздухе, без каких-либо других движений, просто ожидая ответа. Глаза толпы не решались задерживаться на нем слишком долго, хотя некоторые уже начали завистливо гадать, кто же этот приглашенный.

Свет был еще тусклым, но глаза Хэ Юньтина были яркими. Хэ Юньтин, который был военным и хорошо обученным, стоял в этой позе, пока Линь Хань не ответил, не двигаясь, как будто это было такое важное приглашение.

Линь Хань все еще смотрел на него.

Но проблема была в том, что...

Линь Хань редко участвовал в подобных мероприятиях, танцах и так далее, и уж тем более, он не участвовал.

Он не мог.

Хэ Юньтин, казалось, был очень терпелив, и в ожидании, словно боясь беспокойства Линь Ханя, он прошептал: - Можешь надеть перчатки.

И через три секунды на ладони Хэ Юньтина лежала пара, еще теплых, белых перчаток.

- Хорошо, - сказал Линь Хань. Линь Хань много думал за очень короткое время.

Например, о чем он думал прямо сейчас? Если бы он не надел перчатки, услышал бы он другой ответ? Или, если он откажется, в глазах генерала появится тот же сердитый огонек, что и в прошлый раз, когда он пытался пожать ему руку в ремонтной комнате?

Но в конце концов, подумал он, сегодня у генерала был день рождения.

Жизнь Линь Ханя была скудной, но он помнил каждый день рождения, когда его мать была рядом с ним. Он не знал, через что пришлось пройти Хэ Юньтину, но в день рождения он должен быть счастлив.

Поэтому он принял приглашение.

-

Руки Хэ Юньтина вдруг стали немного тяжелее.

Пять пальцев омеги в перчатках выглядели почти хрупкими, даже для меха-инженера, который проводил дни в институте, устанавливая и разбирая всевозможные конструкции меха. Но они казались немного маленькими, и Хэ Юньтин смог надежно обхватить его одной рукой, а запястье было откинута, как бы говоря человеку, держащему его, что о его владельце нужно заботиться именно так.

Хэ Юньтин стал без причины осторожным, потому что, если он применит слишком большую силу, другому может быть больно. Линь Хань почувствовал, что человек перед ним задышал тяжелее, и уже собирался поднять глаза, когда пара рук опустилась на его талию.

Генерал смог наверстать упущенное за короткое время, потому что подполковник Лу мудро сказал об этом, хотя Лу Ань Хэ в отчаянии сказал, увидев его результаты обучения: - Я думаю, если господин Линь перепишет программу для M2742, он сможет прыгать лучше тебя.

Хэ Юньтин поднимал ноги, как будто отбивая квадратный шаг, а его движения рук были похожи на армейские учения... Короче говоря, скованные и ржавые. В итоге, едва Хэ Юньтин научился, Лу Ань Хэ даже прикрыл лицо и сказал: - Или тебе не стоит об этом думать, достаточно пригласить господина Линя за стол.

Тогда Хэ Юньтин согласился. Но когда он долго ждал появления Линь Ханя, все приготовления, которые он сделал до этого, снова пошли прахом. Возможно, освещение и музыка были настолько двусмысленными, что он почувствовал, что может пожалеть, если не сделает этого.

Хэ Юньтин никогда ни о чем не жалел. Сейчас он ненавидел тревогу неизвестности, бессилие и недоступность.

Линь Хань не отпустил его руку, отчего Хэ Юньтин снова почувствовал облегчение. В результате омега приблизился к нему и честно сказал: - Но генерал, я не знаю как.

Рука Хэ Юньтина на талии Линь Ханя напряглась.

Если бы материал был тоньше, Линь Хань мог бы почувствовать другое тепло, исходящее от ладони генерала. К счастью, одежду выбирал сам Хэ Юньтин, и она была хорошего качества, поэтому тонкий пот на его руке Линь Хань не заметил.

Хэ Юньтин на мгновение застыл, затем взял Линь Ханя за руку, чтобы повести его на танцпол, и сказал, не меняясь в лице: - Все в порядке, я могу. Я научу тебя.

-

С тех пор, как Хэ Юньтин пригласил Линь Ханя на публику, люди то и дело потихоньку пытались заглянуть на него. Но освещение было слишком тусклым, и никто не осмеливался смотреть слишком открыто, поэтому они просто чувствовали, что эти двое танцуют так, будто они отличаются от других.

Ритм был выдержан, но движения были немного не те. Эти двое подпрыгивали и казались слишком интровертными. Конечно, они не слышали шепота между ними.

Линь Хань положил руку на плечо Хэ Юньтина и слушал указания другого.

- Жди следующего удара и не забывай следовать моим шагам.

- ... О.

Линь Хань наступил на военные ботинки Хэ Юньтина.

Через минуту Линь Хань выучил такт: - Итак, генерал, должен ли я теперь...

Хэ Юньтин наступил на ногу Линь Ханю, прежде чем тот успел сказать "назад".

- Вперед.

Наступать на ногу.

- В сторону.

Наступать друг другу на ноги.

Выражение Хэ Юньтина было все еще холодным, но так как он совершил слишком много ошибок, он решил больше не инструктировать, и его собственные движения ног стали очень сдержанными. Его движения стали меньше, что естественно повлияло на его партнера, и Линь Хань, наконец, не мог не скривить губы: - Генерал.

- ?

- Мы можем просто танцевать с небольшими движениями?

- ... - Хэ Юньтин посмотрел на руку, зажатую в его ладони, и наморщил лоб: - Все еще нормально... Попробуй еще раз.

Он почувствовал, что омега слегка улыбнулся.

- Хорошо.

Десять минут спустя, они наконец сдались, Хэ Юньтин опустил руку, которую держал на талии другого, и вместе с Линь Ханем отошел в сторону, чтобы сесть.

Некоторое время не было никаких слов.

Серебристые волосы перед его лбом, казалось, снова спутались, Хэ Юньтин смотрел на остальных на танцполе с озадаченным холодным выражением лица.

Линь Хань поднял голову и увидел этот взгляд. Он мог видеть только часть лица Хэ Юньтина. Черты лица другой стороны можно было назвать резкими и агрессивными, расположение надбровных дуг делало глаза глубокими, а линия носа и губ оставалась холодной и жесткой. Самыми узнаваемыми, конечно, были его глаза.

Но сейчас в этих глазах было сомнение, немного обидное недоверие, как будто он не понимал, почему все остальные могут танцевать так гармонично, а на них невыносимо смотреть.

Линь Хань снова вспомнил аналогию, которую он когда-то привел о себе.

Возможно, он действительно был немного похож на ребенка.

На мгновение ему захотелось послушать, что сейчас думает другая сторона. Но вскоре он отбросил эту мысль, посмотрел в глаза и сказал: - Генерал.

Хэ Юньтин, который не смотрел на него, повернул свое лицо.

Линь Хань улыбнулся ему: - С днем рождения.

Выражение лица Хэ Юньтина неуловимо изменилось.

Линь Хань не знал, как это описать. Выражение лица собеседника не было радостным, оно выражало неожиданное удивление. Казалось, что ему уже давно никто не говорил этих слов.

Но вскоре он увидел, как уголки изначально ровных губ Хэ Юньтина слегка шевельнулись, как бы отвечая ему улыбкой.

Вероятно, у него уже давно не было такого выражения лица, поэтому Юньтин почти грубо попытался скривить уголки рта, но немного замешкался, опасаясь, что это выражение будет слишком грубым, и Линь Хань сочтет его некрасивым.

- Генерал! - раздался чей-то голос сбоку.

Вэнь Тянь Яо улыбался, идя к ним. - С днем рождения, верховная слава Империи М.

Уголки рта Хэ Юньтина, которые не могли опуститься, снова стали плоскими, и он легкомысленно ответил: - Хм.

- Тогда я выпью тост за генерала, - беспечно сказал Вэнь Тянь Яо, подзывая официанта с вином. - И пожелаю господину Лину хорошо провести вечер.

Молодой официант, ожидавший в стороне, подошел. Но, как ни странно, на подносе не было вина.

На лице Вэнь Тянь Яо появилось недовольство: - Если у тебя нет вина, пойди и принеси его, хочешь, я тебя научу?

Официант, казалось, был в оцепенении, кивнул головой, но больше ничего не сделал.

Недовольство на лице Вэнь Тянь Яо становилось все более очевидным, и он уже собирался взмахнуть рукой, чтобы позвать другого, но обнаружил, что официант выглядит странно, и его ноги направились к Хэ Юньтину.

Хэ Юньтин нахмурил брови.

Вэнь Тянь Яо в этот момент тоже почувствовал что-то неладное.

Этого официанта он никогда раньше не видел.

Вэнь Тянь Яо немедленно издал звук...

Перемена произошла в мгновение ока.

- Генерал! - успел воскликнуть он, прежде чем увидел, как официант с невыразительным лицом достал острый нож со дна подноса, который он долгое время прикрывал рукой.

Хэ Юньтин был быстр, при свете дня он почувствовал намерение другой стороны, когда мужчина собирался приблизиться к его запястью, у него не было времени использовать нож, который он все еще держал в руке. Хэ Юньтин безжалостно выкрутил его, и мужчина издал жалкий крик боли - но в следующую секунду он не убил собеседника, а его запястье все еще было в руках Хэ Юньтина, держащего нож.

Официант, понявший, что удар не удался, все еще не отпускал руку с кинжалом, из его горла вырвался странный звук "хо-хо", и он, даже не выдержав боли от сдерживания Хэ Юньтина, наклонился вперед и самоубийственно прижал свое сердце к кончику ножа!

Линь Хань видел только вспышку холодного, острого лезвия перед глазами, как убийца

собирался убить себя на глазах у всех...

В этот момент Хэ Юньтин схватил Линь Ханя левой рукой и перевернул его спиной к себе, не позволяя Линь Хану встретиться взглядом с тем, что ему предстояло увидеть.

После приглушенного звука острого лезвия, вошедшего в плоть, Линь Хань подсознательно закрыл глаза.

Как только Хэ Юньтин коснулся его руки, его уши зазвенели от холодного голоса другой стороны.

[Не смотри.]

<http://bllate.org/book/17354/1627731>